
Chaev, N. S. Iz istorii votchinnoi politiki krupnogo feodala Pomor'ya v XVII v. [From the History of the Patrimonial Policy of a Large Feudal Lord of Pomorye in the 17th Century]. In *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1941. No. 73. Pp. 105–142.

Cherepnin, L. V. Russkie feodal'nye arkhivy XIV–XV vv. [Russian Feudal Archives of the 14th – 15th Centuries]. Moscow, 1951. Part 2. 428 p.

Kalashnikova, A. A. Russkie sudebnye dokumenty XV – pervoi poloviny XVI v. kak istoricheskii istochnik [Russian Court Documents of the 15th – the First Half of the 16th Century as a Historical Source]. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Saint Petersburg, 2022. 329 p.

Kopanev, A. I. Krest'yanstvo russkogo Severa v XVI v. [The Peasantry of the Russian North in the 16th Century]. Leningrad, 1978. 245 p.

Obraztsov, G. N. Krest'yane votchiny Antonieva-Siiskogo monastyrya v XVI–XVII vekakh [Peasants of the Patrimony of the Antoniev-Siysky Monastery in the 16th – 17th Centuries]. Autoabstract of Dissertation for the Degree of Candidate of History. Leningrad, 1951. 17, [1] p.

Stroev, P. M. Spiski ierarkhov i nastoyatelei monastyrei Rossiiskoi tserkvi [Lists of Hierarchs and Abbots of Monasteries of the Russian Church]. Saint Petersburg, 1877. X p., 1064, 68 col., 1 l. of facs.

Varvara G. Vovina-Lebedeva

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

ON THE STRUGGLE OF THE NORTHERN PEASANTS FOR LAND IN THE 16th CENTURY

The article presents an analysis of three documents from the collection of the Antoniev-Siya Monastery in the Archive of the St. Petersburg Institute of History (Russian Academy of Sciences) related to the monastery's lawsuit against the peasants of the Morzhegorskaya volost (judgment list, *otstupnaja gramota* and *otvodnaja gramota*). Some peasants of the volost renounced the claims of the monastery and retreated from the disputed land during the trial, while the others insisted on their rights. As a result, the dispute was resolved peacefully; the monastery refused the monetary claim and, perhaps, the peasants managed to defend some part of the land, although the sources do not allow be absolutely sure of it.

Keywords: Antoniev-Siya Monastery, Morzhegorsk volost, judgment list (sudnyj spisok), otpis, otvodnaja gramota

УДК 94(47) DOI 10.25986/IRI.2023.91.1.006

A. A. Гиппиус

НИУ ВШЭ, Москва, Россия. agippius@mail.ru

К ИСТОРИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ НОВГОРОДСКОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XV В.

В статье вводится в научный оборот ранее не привлекавшее внимания исследователей летописное известие 1422 г. о начале чеканки в Новгороде «четвертей» – монет достоинством в ¼ деньги, известных как четверетцы. «Лобцы» и «векши», на смену которым пришли «четверти», трактуются как низшие номиналы кунной системы, сохранившиеся после отмены в 1410 г. собственно кун как ее главного номинала.

Ключевые слова: средневековый Новгород, денежные реформы, кунная система

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-326).

Денежные реформы 1410 и 1420 гг., полностью преобразовавшие финансовую систему Великого Новгорода, известны исследователям в первую очередь по двум сообщениям Новгородской I летописи (далее – НПЛ) младшего извода (цитируется Комиссионный список, в квадратных скобках – вариант из Академического):

«В лѣто 6918 (1410). ... Того же лѣта начаша новгородци торговати промежи себе лопци [лобци] и гроши литовьскими и артуги нѣмечкыми, а куны отложиша, при посадничествѣ Григорья Богдановича и при тысячкомъ Васильты Есифовичѣ»¹.

«В лѣто 6928 (1420). Начаша новгородци торговати денги серебряными, а артуги попродаша нѣмцом, а торговалѣ имы 9 лѣт»².

Относительно содержания этих сообщений в нумизматической литературе существует консенсус, сводящийся к следующему. В 1410 г. Новгород, отказавшись от архаичной «кунной системы», перешел к использованию иностранной монеты трех разновидностей: 1) любецких пфеннигов, названных «лобцами»; 2) пражских грошей, ходивших и в Литовской Руси и потому упомянутых как «литовские гроши», и 3) чеканившихся Ливонским орденом артигов («артуги»). В 1420 г. на смену иностранным монетам пришла собственная – деньга-новгородка.

Н. П. Бауер, расширяя круг летописных источников, дополняет набор введенных в 1410 г. валют еще одной: «В Новгородской IV летописи и в летописи Авраамки... указывается еще на четвертую монету, на белки. Так, мы читаем в Новгородской IV летописи: “Сего же лета начаша Новгородци торговати белками, лобци и гроши Литовскими, и артуги Немецкими”. Белка – точный перевод немецкого слова виттен в его нижненемецкой форме, или Wiessen в более привычной нам средненемецкой. Виттен был двусторонней монетой, и на него шло по счету 4 лобца или любецких пфеннигов. Проба же его была значительно выше последнего» [Бауер, с. 429].

Задаваясь вопросом, почему в качестве альтернативы кунам были выбраны иностранные платежные знаки, а не московская деньга, существовавшая к тому времени свыше 20 лет, тот же Н. П. Бауер писал: «О причине такого странного решения мы можем лишь догадываться. Их могло быть две – чисто политическая, нежелание подпадать под влияние Москвы в монетном отношении, и чисто финансовая. По новейшим наблюдениям еще до 1410 г. московская монетная политика покатила по отлогой плоскости: великий князь Василий Дмитриевич несколько снизил стопу своих денег не иначе как из корыстных фискальных целей. Торговый центр, как Новгород, подобные мероприятия никак не могли устраивать, и руководители новгородской политики обратились к монетам своих соседей» [Бауер, с. 428].

Сомнения в том, что московская валюта была полностью проигнорирована новгородцами в 1410 г., вызывают чтения Голицынского и Толстовского списков Новгородской IV летописи, принадлежащих, что существенно, к разным ее редакциям – старшей и младшей (ниже дополнения, взятые из этих списков, даны в квадратных скобках): «В лѣто 6918 (1410). <...> Сего же лѣта начаша новгородци торговати [промежь собою] бѣлками, лобци и гроши литовскими, [и денги московскими], и артуги немецкими, а куны отложиша...»³. Особенно важно, что эти варианты присутствуют и в первой подборке Новгородской Карамзинской летописи, отражающей, как теперь установлено, первоначальный вид (возможно, черновик) «Новгородско-Софийского» летописного свода, дошедшего до нас в Новгородской IV летописи (см. из последних работ: [Шибяев, 2015]). Здесь известие читается и с более аутентичной формой творительного падежа множественного числа существительного *деньга*: «Сего же лѣта начаша новгородци торговати промеже себе бѣлками, лобци и гроши литовскими, и денгами московскими, и артуги немецкими...»⁴. Скорее всего, слова «и денгами московскими» читались уже в общем протографе летописей Новгородско-Софийской группы. Отсутствие их в части списков Новгородской IV летописи может рассматриваться как «прозападная» редакция, независимо (?) произведенная несколькими книжниками. Той же редакции (наряду с устранением «белок») исходный текст известия подвергся и в протографе Комиссионного и Академического списков НПЛ. Допущение первичности версии НПЛ означало бы,

² Там же. С. 412.

³ ПСРА. Л., 1925. Т. 4. Вып. 2. С. 410.

⁴ ПСРА. СПб., 2002. Т. 42. С. 97.

что упоминание московских денег было сначала вставлено в протографе Новгородско-Софийского свода, а затем изъято в части списков Новгородской IV летописи, что неоправданно усложняет реконструкцию.

Если известие 1410 г. изначально включало упоминание московских денег, то говорить об исключительно западном направлении «монетизации» на первом этапе новгородской денежной реформы не приходится: имело место использование иностранного монетного фонда в целом, представленного как «литовским» грошем и ливонским артигом, так и московской деньгой. Прямым свидетельством того, что последняя имела хождение в Новгороде уже в конце XIV в., является упоминание деньги в датируемой этим временем берестяной грамоте № 536: «го(во)з(а)[ь]човъ на деньгу сапожьныхъ».

Что же касается «лобцов», традиционно отождествляемых с любекскими пфеннигами, а также «белок», в которых Н. П. Бауер предложил видеть виттены, то от этих отождествлений следует, на наш взгляд, отказаться. В отличие от собственно нумизматических терминов *грошь*, *деньга* и *артугъ*, слово *лобець* (< *льбѣць*) не связано по происхождению с денежной сферой, представляя собой диминутив от *лобъ* (< *льбѣ*) 'головка'. Любекский пфенниг в русских источниках фигурирует как *любецкий*⁵. Именование его еще и «лобцом» может быть понято только как прозвище, данное по изображенной на монетах человеческой голове, на что и указывает Н. П. Бауер. Но здесь возникает следующая проблема. Значение 'головка' сближает термин *лобець* с названием такой денежной единицы, как *мордка*. Последнюю Н. П. Бауер, как и многие из его предшественников и последователей, также считал монетой. И. Леймус, исходя из метрологических соображений, допускает, что «на рубеже XIV–XV вв. мордками в Новгороде могли называть ливонские артиги»; при этом в качестве возможной мотивировки названия указывается, что в Ливонии «чеканились монеты с головой (мордкой) епископа» [Леймус, с. 186]. Однако слово *морда* (древне- и старорусскими памятниками не засвидетельствованное) обозначает в русском языке переднюю часть головы животного и применительно к человеческому лицу употребляется только в бранном смысле, что в данном случае предполагать нет никаких оснований. С другой стороны, указанное толкование едва ли приложимо к ранним фиксациям термина, в особенности к упоминанию в берестяной грамоте № 108 (начала XIII в.) «гривен коротких мордок».

Выход из положения – в принципе далеко не новый – заключается в признании мордок и лобцов элементами кунной системы, материальным носителем номиналов которой были не имевшие товарной ценности и функционировавшие как своего рода «ассигнации» вытертые шкурки пушных зверей, подробно описанные в известном рассказе Абу Хамида ал-Гарнати⁶ и упоминаемые как «драницы» в киевском графито о покупке Бояновой земли [Высоцкий, с. 61, № 25]; см. отождествление тех и других в работах А. В. Назаренко [Назаренко, с. 205–206] и П. С. Стефановича [Стефанович, с. 30]. В том, что лобцы и мордки были частями шкурок, не сомневались московские летописцы XVI в., писавшие об использовании новгородцами в качестве денег «лобков белых» и «мордок кунных»⁷. Так полагали и представители возникшей в XVIII в. теории древнерусских «кожаных денег» (см. подробный историографический обзор: [Бауер, с. 6–20]). Сделавшись в XIX в. объектом язвительной критики М. Т. Каченовского [Каченовский], «кожаная теория» была в дальнейшем оставлена большинством нумизматов как наивное заблуждение; в их числе был и Н. П. Бауер, в книге которого «металлическая» концепция древнерусских финансов получила наиболее последовательное воплощение.

⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 325.

⁶ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публ. О. Г. Большакова, А. А. Монгайт. М., 1971. С. 35–36.

⁷ ПСРА. СПб., 1897. Т. 11. С. 218.

Введение в научный оборот свидетельства ал-Гарнати и киевского граффито, по сути дела, реабилитировало это, казалось бы, навсегда отвергнутое построение. В свете открывшихся данных следует с доверием отнестись и к показанию Жильбера де Ланнуа (1413 г.), согласно которому «их [новгородцев] мелкая монета – головки белок и куниц»⁸. Н. П. Бауер, рассматривая это свидетельство как изолированное, мог объяснить его только «каким-то недоразумением».

Неприемлемо и отождествление «белок» с виттенами – не только потому, что слово *бьлка* отнюдь не является точным переводом немецкого названия монеты, но и потому, что в основной массе новгородских источников им называется беличий мех, используемый, в частности, и в торговых расчетах (см.: [Бассальго, с. 230]). Полагаем, что беличьи шкурки имеются в виду и в известии 1410 г.

Не вступает ли предлагаемая трактовка «лобцов» и «белок» в противоречие с летописной формулировкой «начаша торговати...», предполагающей как будто, что и те и другие были введены в обращение впервые? Думается, что нет. Упоминание белок как раз и показывает, на наш взгляд, что эти слова подразумевают не начало использования всех перечисленных средств платежа (которые в большем или меньшем объеме могли использоваться и ранее), а переход к их новому набору в целом, исключившему собственно куны как основной номинал кунной системы. Названы три типа платежных средств: 1) мех – беличьи шкурки, 2) кожаные «ассигнации» мелкого номинала – лобцы, 3, 4, 5) иностранные монеты крупного номинала – гроши, деньги и артиги. Порядок, в котором перечислены монеты, неслучаен: сначала названы валюты ближайших соседей – «литовский» грош и московская деньга, а затем – ливонская валюта («артуги»). Упоминание «артугов» последними выражает, как можно думать, акцент, сделанный на ливонской монете как главном из платежных знаков, пришедшем на смену выведенной из обращения куне. Думать так позволяет то, что в известии о втором этапе реформы из упомянутых под 1410 г. иноземных монет фигурируют только «артуги», замененные деньгой новгородского чекана.

В отличие от первого сообщения, известие 1420 г. дошло без разночтений в части состава упомянутых денежных единиц. Но одно существенное расхождение все же имеется: в Новгородской IV летописи сохранилась отсутствующая в НПЛ дата: «В лѣто 6928 (1420). Мѣсяца маа [26]⁹ начаша новгородци торговати денгами сребряными, а артуги попродаваша Нѣмцемъ, а торговалѣ ими 9 год»¹⁰. Из писавших о новгородской денежной реформе, как кажется, только Н. П. Бауер обратил внимание на эту дату, отметив, что в Никоновской летописи сообщение датировано октябрём (без указания числа). Оговорив малую достоверность этого варианта, он заметил все же, что «летописцы могли расходиться в своих свидетельствах уже потому, что один зафиксировал постановление веча, другой окончательный момент, выпуск самих знаков» [Бауер, с. 429]. Это допущение выглядит излишним, между тем сама дата 26 мая далеко не случайна: в 1420 г. на этот день пришлась Троица, и объявление денежной реформы было, несомненно, специально приурочено к празднику.

С упоминанием даты, то есть в своем первоначальном виде, известие 1420 г. представлено и в Новгородской Карамзинской летописи, но не в первой подборке, заканчивающейся статьей 6919 г., а во второй, доведенной до 6936 (1428) г. Двумя годами позже в той же подборке читается известие, до сих пор не привлекавшее внимания исследователей и потому представляющее

⁸ «Et est leur menue mannoye de testes de gris et de martres» (*Lannoy G. de. Oeuvres de Ghillebert de Lannoy voyageur, diplomate et moraliste / Recueillies et publiées par Ch. Potvin. Avec des notes géographiques et une carte par J.-C. Houzeau. Louvain, 1878. P. 33*), цит. по: [Бауер, с. 325].

⁹ Число отсутствует в Строевском списке, но имеется в пяти других привлеченных к изданию рукописях.

¹⁰ ПСРА. Т. 4. Вып. 2. С. 427.

особый интерес: «В лѣто 6930. <...> Того же лѣта сковаша новгородци четверти, а лобци и вѣкши отложиша»¹¹.

Неудивительно, что это сообщение осталось незамеченным в специальной литературе. В отличие от Новгородской I и Новгородской IV летописей, Новгородская Карамзинская летопись до недавнего времени не входила в «канон» источников по политической и социально-экономической истории Новгорода: ее значение для истории новгородского летописания было раскрыто лишь в конце XX в.; текстологов же содержание данного известия не привлекало. Между тем значение его велико: перед нами аутентичное свидетельство ранее неизвестного эпизода новгородской денежной реформы начала 1420-х гг. Упомянутые здесь «четверти» – хорошо знакомые нумизматам новгородские «четвертцы» или «четверетцы», монеты достоинством в четвертую часть деньги (см. специально о них: [Гайдуков, с. 92–102]). О времени начала их чеканки до сих пор ничего известно не было. Теперь же мы узнаём, что она началась через два года после начала чеканки деньги, как следующая стадия введения монеты собственного производства. Деньга-новгородка пришла на смену ливонскому артигу, «четверти» сменили выведенные из обращения «лобцы и векши».

Упоминание лобцов вместе с векшами, несомненно принадлежащими кунной системе, говорит, на наш взгляд, в пользу их трактовки как низшего номинала этой системы, в которую входили также «отложенная» в 1410 г. куна и мордка, о судьбе которой летописи ничего не сообщают. Поскольку векша как денежная единица существовала издревле, то же следует предполагать и относительно лобца. С этимологической точки зрения *куна*, *вѣкша*, *мордка* и *лобець* составляют четверку терминов, противопоставленных по двум признакам: как названия целых шкурок (*куна*, *вѣкша*) и их головных частей (*мордка*, *лобець*) и как названия шкурок куницы (*куна*) и белки (*вѣкша*). Полагая, что по второму признаку были противопоставлены также *мордка* и *лобець*, мордку, как более крупную единицу, следует сопоставлять с куницей, а лобец – с белкой. Схематично это соотношение отражает таблица:

	<i>куница</i>	<i>белка</i>
<i>целая шкурка</i>	куна	вѣкша
<i>головка</i>	мордка	лобець

Реконструкция стоимостного соотношения этих номиналов требует подробной аргументации, и здесь мы лишь пунктирно наметим ее. Как известно, гривна Русской Правды Краткой редакции подразделялась на 25 кун и на 20 ногат. В Новгороде этот счет сохранялся и в XII–XIII вв. (см.: [Гиппиус, 2017, с. 27]), и нет причин думать, что он был изменен под занавес существования кунной системы. Подразделение гривны на мордки было, очевидно, третьим способом ее организации, также существовавшим с древности. Из записи кенигсбергского грощшаффера 1402–1404 гг. известно, что гривна (*marcschin*) подразделялась на 28 *marthou̇bte* (букв. ‘кунных головок’)¹². В последних есть все основания видеть мордки, упоминаемые в проекте торгового договора Новгорода с Любеком и Готландом как *capita martarorum*¹³. Таким образом, гривна = 20 ногат = 25 кун = 28 мордок.

¹¹ ПСРА. Т. 42. С. 177.

¹² *Schuldbücher und Rechnungen der Großschäffer und Lieger des Deutschen Ordens in Preußen 2: Großschäfferei Königsberg II (Ordensfolianten 142–149 und Zusatzmaterial)* / Hrsg. von J. Laczny und J. Sarnowsky unter Mitarbeit von S. Heß. (Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte. N. F. Bd. 59, 2). Köln; Weimar; Wien, 2013. S. 30.

¹³ С *marthou̇bte* кенигсбергской записи *capita martarorum* отождествляют авторы последней публикации договора 1268/1269 г., переводя это сочетание как ‘куньи мордки’ и справедливо противопоставляя его кунам как другой денежной единице [Хрусталева, Бондарь, с. 466, примеч. 67]. Противопоставляет эти понятия и И. Леймус [Леймус, с. 186, примеч. 20]. Позицию В. А. Янина, видевшего в *marthou̇bte* куны [Янин, с. 325], следует признать ошибочной.

Семеричное в своей основе членение гривны на 28 мордок отразилось в дальнейшем членении новгородской монетной гривны на 14 денег. Можно сказать, что метрологическим прототипом новгородской деньги послужила удвоенная мордка. После совершившегося в 1410 г. отказа от кун мордка, по-видимому, осталась в обращении наряду с векшей и лобцом: именно так можно понять уже процитированное свидетельство де Ланнуа об использовании новгородцами в 1413 г. в качестве мелкой монеты головок белок (лобцов?) и куниц (мордок?). Как заметил Л. А. Бассальго, соответствие деньги двум мордкам подтверждается известной «Памятью о том, как торговали доселе новгородцы», сохранившейся в виде записи в минее Соловецкого монастыря 1494 г. [Бассальго, с. 225]. Первая часть записи гласит: «Пя(т) лобцо(в) четверетца; а деся(т) лобцо(в) двѣ четвертци, ино то мротка; а ногата полторы мротки, три четверетци; а двѣ вѣкши лбець; а лбецо(в) пя(т) за четвере(д)тцу» (ОР РНБ. Собрание Соловецкого монастыря. № 518/537. Л. 200 об.)¹⁴. Поскольку четверетца – это четвертая часть деньги и при этом две четверетцы эквивалентны мордке (в записи она фигурирует как *мротка*, с отражением диалектного рефлекса сочетания **tyrt*), одной деньге соответствуют две мордки.

С другой стороны, мордка «Памяти» соответствует десяти лобцам; следовательно, гривна заключает в себе 280 лобцов. Эта норма ближайшим образом напоминает стандарт «280 (семь сороков) беличьих шкур на гривну серебра», выводимый из берестяных грамот № 1021 и 1072 (конец XII в.) [Гиппиус, 2017, с. 30]. Можно думать, что отношение мордки к лобцу в рамках кунной системы (10 : 1) есть не что иное, как проекция соотношения стоимостей стандартных шкур куницы и белки. Такой же проекцией другого варианта этого соотношения является отношение 12 : 1, связывавшее куну и веверицу, стоимость которой, согласно нашим выкладкам, составляла ½ стоимости векши (см.: [Гиппиус, 2019, с. 133]). Получаем, таким образом, следующие формулы:

гривна = 20 ногат;

гривна = 25 кун = 150 векш = 300 вевериц;

гривна = 28 мордок = 280 лобцов.

Отметим и следующее частное противоречие. Исходя из приведенных соотношений мы ожидали бы в «Памяти» условного приравнивания векши к двум лобцам (с аналогичным округлением ногата приравнена к полутора мордкам). Но запись утверждает обратное («двѣ вѣкши лбець»). В этом единственном пункте мы склонны предполагать искажение исходного чтения *«два лобца вѣкша», естественное для книжника, оперировавшего уже не актуальными в его время денежными единицами. В остальном приведенная часть «Памяти» предстает как вполне точное описание номиналов кунной системы через их отношение к наименьшему номиналу новой, монетной денежной системы – «четверти», выпуск которой в 1422 г. стал, как мы теперь знаем, финальным эпизодом реформирования новгородской денежной системы в первой четверти XV в.

Литература

Бассальго Л. А. О соотношении гривны серебра и гривны кун в Великом Новгороде в XII–XV вв. // НИС. Великий Новгород, 2020. Вып. 19 (29). С. 218–233.

Бауер Н. П. История древнерусских денежных систем. IX в. – 1535 г. М., 2014. СХХIII, [I], 683 с., [8] с., [1] л. портр.

¹⁴ Цитируется по фотовоспроизведению [Шибяев, 2017, с. 46]. Вторая часть записи, оформленная в рукописи как отдельный абзац с собственным инициалом, представляет собой самостоятельный расчет, оперирующий особыми денежными единицами. Так, ногата, равная во второй части семи деньгам, не может быть тождественна ногате первой части, размер которой определен в три четверетцы. Считать, как это иногда делается, что под четверетцами в «Памяти» имеются в виду не новгородские монеты, а какие-то другие неизвестные единицы [Янин, с. 352; Кистерев, с. 77], мы оснований не видим.

- Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев, 1966. Вып. 1. XI–XIV вв. 239 с.
- Гайдуков П. Г. Русские полуденги, четверетцы и полушки. М., 2006. 406 с.
- Гиппиус А. А. Берестяная грамота № 1072 и денежно-весовые системы средневекового Новгорода // Российский рубль. 700 лет истории. Материалы Международной нумизматической конференции. Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г. Великий Новгород; СПб., 2017. С. 25–36.
- Гиппиус А. А. Векша и веверица как фракции древнерусской гривны // Двадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16–20 апреля 2019 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2019. С. 130–133.
- Каченовский М. Т. Два рассуждения о кожаных деньгах и о Русской Правде. М., 1849. IV, 202 с.
- Кистерев С. Н. Деньги в Новгороде на рубеже XIV–XV вв. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. К юбилею профессора русской истории Нины Борисовны Голиковой. М., 1994. С. 59–84.
- Леймус И. О некоторых русских денежных понятиях, употребляемых среди ганзейского купечества в Ливонии и Новгороде // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. № 1 (17). С. 182–191.
- Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. 780 с.
- Стефанович П. С. Гривна как денежная единица: к спору «меховистов» и «металлистов» // Российский рубль. 700 лет истории. Материалы Международной нумизматической конференции. Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г. Великий Новгород; СПб., 2017. С. 19–24.
- Хрусталева Д. Г., Бондарь Л. Д. Проект торгового соглашения Новгорода с Любеком и Готландом 1268/1269 гг. (латинская грамота) // НИС. М.; СПб., 2011. Вып. 12 (22). С. 453–480.
- Шибяев М. А. Новгородско-Софийский свод и протоскрипторий Евфимия II // НИС. Великий Новгород, 2015. Вып. 15 (25). С. 127–134.
- Шибяев М. А. Палеографические и кодикологические наблюдения над записью «Память, как торговали доселе новгородцы» в Минее из Соловецкого собрания РНБ // Российский рубль. 700 лет истории. Материалы Международной нумизматической конференции. Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г. Великий Новгород; СПб., 2017. С. 44–49.
- Янин В. А. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. 415 с.

References

- Bassalygo, L. A. O sootnoshenii grivny serebra i grivny kun v Velikom Novgorode v XII–XV vv. [About the Ratio of the Grivna of Silver and the Grivna of Kuna in Veliky Novgorod in the 12th – 15th Centuries]. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Velikii Novgorod, 2020. Issue 19 (29). Pp. 218–233.
- Bauer, N. P. Istoriya drevnerusskikh denezhnykh sistem. IX v. – 1535 g. [The History of Old Russian Monetary Systems. 9th Century – 1535]. Moscow, 2014. СХХIII, [I], 683 [8] p., [1] l. of portr.
- Gaidukov, P. G. Russkie poludengi, chetverettsy i polushki [Russian Poludengas, Chetverettsas and Polushkas]. Moscow, 2006. 406 p.
- Gippius, A. A. Berestyanaya gramota No. 1072 i denezhno-vesovye sistemy srednevekovogo Novgoroda [Birch Bark Letter No. 1072 and Monetary and Weight Systems of Medieval Novgorod]. In *Rossiiskii rubl'. 700 let istorii. Materialy Mezhdunarodnoi numizmaticheskoi konferentsii. Velikii Novgorod*. 25–27 aprelya 2016 g. Velikii Novgorod; Saint Petersburg, 2017. Pp. 25–36.
- Gippius, A. A. Veksha i veveritsa kak fraktsii drevnerusskoi grivny [Veksha and Veveritsa as Fractions of the Old Russian Grivna]. In *Dvadtsataya Vserossiiskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Velikii Novgorod*, 16–20 aprelya 2019 g. *Tezisy dokladov i soobshchenii*. Moscow, 2019. Pp. 130–133.
- Kachenovskii, M. T. Dva rassuzhdeniya o kozhanykh den'gakh i o Russkoi Pravde [Two Arguments about Leather Money and about the Russian Truth]. Moscow, 1849. IV, 202 p.
- Khrustalev, D. G., Bondar', L. D. Proekt torgovogo soglasheniya Novgoroda s Lyubekom i Gotlandom 1268/1269 gg. (latinskaya gramota) [Draft Trade Agreement of Novgorod with Lubeck and Gotland 1268/1269 (Latin Letter)]. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Moscow; Saint Petersburg, 2011. Issue 12 (22). Pp. 453–480.
- Kisterev, S. N. Den'gi v Novgorode na rubezhe XIV–XV vv. [Money in Novgorod at the Turn of the 14th – 15th Century]. In *Torgovlya i predprinimatel'stvo v feodal'noi Rossii. K yubileyu professora russkoi istorii Niny Borisovny Golikovoi*. Moscow, 1994. Pp. 59–84.

Leimus, I. O nekotorykh russkikh denezhnykh ponyatiyakh, upotrebyaemykh sredi ganzeiskogo kupechestva v Livonii i Novgorode [About Some Russian Monetary Terms used among Hanseatic Merchants in Livonia and Novgorod]. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. No. 1 (17). Pp. 182–191.

Nazarenko, A. V. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh. Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazei IX–XII vv. [Old Rus on International Rutes. Interdisciplinary Essays on Cultural, Trade, and Political Relations of the 9th – 12th Centuries]. Moscow, 2001. 780 p.

Shibaev, M. A. Novgorodsko-Sofiiskii svod i protoskriptorii Evfimiya II [The Novgorod-Sofia Corpus and the Protoscriptorium of Euphemius II]. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Velikii Novgorod, 2015. Issue 15 (25). Pp. 127–134.

Shibaev, M. A. Paleograficheskie i kodikologicheskie nablyudeniya nad zapis'yu "Pamyat', kak torgovali dosele novgorodtsy" v Minee iz Solovetskogo sobraniya RNB [Paleographic and Codicological Observations on the Record "Memory, How the Novgorodians Traded Hitherto" in the Minea from the Solovetsky Collection of the Russian National Library]. In *Rossiiskii rubl'. 700 let istorii. Materialy Mezhdunarodnoi numizmaticheskoi konferentsii. Velikii Novgorod. 25–27 aprelya 2016 g.* Velikii Novgorod; Saint Petersburg, 2017. Pp. 44–49.

Stefanovich, P. S. Grivna kak denezhnaya edinita: k sporu "mekhovistov" i "metallistov" [Grivna as a Monetary Unit: To the Dispute of "Mechovists" and "Metallists"]. In *Rossiiskii rubl'. 700 let istorii. Materialy Mezhdunarodnoi numizmaticheskoi konferentsii. Velikii Novgorod. 25–27 aprelya 2016 g.* Velikii Novgorod; Saint Petersburg, 2017. Pp. 19–24.

Vysotskii, S. A. Drevnerusskie nadpisi Sofii Kievskoi [Old Russian Inscriptions of St. Sophia of Kiev]. Kiev, 1966. Issue 1. XI–XIV vv. [11th – 14th Centuries]. 239 p.

Yanin, V. L. Denezhno-vesovye sistemy domongol'skoi Rusi i ocherki istorii denezhnoi sistemy srednevekovogo Novgoroda [Monetary and Weight Systems of Pre-Mongol Rus and Essays on the History of the Monetary System of Medieval Novgorod]. Moscow, 2009. 415 p.

Aleksey A. Gippius
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

TOWARDS THE HISTORY OF NOVGOROD MONETARY REFORMS
OF THE FIRST QUARTER OF THE 15th CENTURY

The article introduces into scientific discourse the so far neglected 1422 chronicle entry reporting the start of minting Novgorod "quarter" coins worth ¼ denga. "Lobets" and "veksha", which were replaced by the "quarter", are interpreted as the lower denominations of the kuna system, which survived after kuna itself was cancelled in 1410.

Keywords: medieval Novgorod, monetary reforms, kuna system

УДК 94(47) DOI 10.25986/IRI.2023.91.1.007

A. A. Горский
ИРИ РАН, Москва, Россия. gor-ks@yandex.ru

ДОПОЛНЕНИЯ К ИСТОРИКО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМУ СПРАВОЧНИКУ

Статья содержит справочную информацию об употреблении на Руси до XV в. терминов *думец, конюший, починок и пустошь*.

Ключевые слова: Русь, Средневековье, думец, конюший, починок, пустошь

В изданном в 2019 г. автором этих строк при участии коллег историко-терминологическом справочнике «Русское средневековое общество» [Горский], включающем в себя имена существительные, имеющие отношение к общественному (политическому и социальному) устройству и встречающиеся в источниках ранее XV столетия, несколько терминов оказались обойдены вниманием. Настоящая работа призвана восполнить данное упущение.

